

усилий, успел сделать свое имя таким для своего народа, каким многие долго будут стараться сделать.

И вот вдумываясь более глубоко, в одном еще я стал видеть причину всенародной любви к Тепкину. Кроме человека исключительной душевной чистоты и доброты, неизменно располагавшей к нему всех, кто близко с ним сталкивался, высокой порядочности и толковости, стяжавших к нему уважение и почтение окружающих, он сам того не ведая, был одним из живых факторов, способствовавших пробуждению национального самосознания, национального самолюбия калмыцкого народа.

Когда впервые за 200 лет совместной жизни с Казачеством калмыки получили право на формирование своих двух полков, они испытали большое моральное удовлетворение. Если „Зюнгарский“ и 3-Донской Калмыцкий полки были наградой нам за то, что в труднейшие и безнадежные дни Казачества мы оказались на высоте требования рыцарской дружбы и неразрывного союза, если в этой награде Донское казачество проявило акт справедливости, что не могло быть проявлено в условиях его подневольного положения, то факт назначения калмыцкому полку командира калмыка явился вторым случаем проявления справедливости, второй наградой, по значению равной с первой.

Из этих двух фактов, для посторонних людей может быть и незначительных, калмыцкая народная масса увидела, что она не хуже чем всякая другая народная масса, что ее полки и сыны лучше многих других... Так просыпался в ней забытый национальный дух и от-

сюда уже понятна любовь народа к тем факторам, которые, впервые после долгого периода моральной подавленности, вызвали и пробудили в нем это высокое чувство. В этом отношении имя Тепкина имеет общенациональное значение.

Само собой разумеется, что общее к нему расположение и его соответствующие личные качества должны были выдвинуть его в будущем выше и дальше по общественной лестнице. Так, например, он был несомненным кандидатом на пост окружного Атамана своего Сальского округа, который, к слову сказать, несмотря на то, что почти исключительно состоял из калмыцких станиц, ни разу еще не имел атаманом калмыка. Нет сомнения, что при дальнейшем существовании самостоятельного Дона и этот пробел был бы заполнен и именно ни кем иным, как Гавриилом Эрдневичем Тепкиным. Но, Бог судил иначе... Выражаясь шаблонным языком — косящая рука смерти беспощадно сорвала и этот юный цветок калмыцкой степи. Безвременно умер ясно намечавшийся национальный вождь, для каковой роли у него были все необходимые данные: ум, такт, честность и доброе сердце...

† Полк. Г. Э. ТЕПКИН.

Мы — буддисты. Будем же верить, что в одном из своих перерождений Тепкин опять народится достойным сыном своего народа. Так должно быть, ибо за ним — несбывшаяся надежда и тоска его народа. Так должно быть, ибо за ним — несбывшаяся надежда и тоска его народа. В десятую годовщину его смерти мы помолимся о легчайших путях этих перерождений.

М. Мордвинцев.

К 10-тилетней годовщине смерти полк. Г. Э. Тепкина.

Летит неудержимо время и все дальше и дальше уносит от безвозвратно ушедшей юности, от милого былого; но там остались некоторые события, переживания и встречи, от которых все же оно бессильно унести меня, — они живут со мной и воспоминания о них — это частичка меня.

29 июля (по стар. ст.) исполняется 10 лет со дня смерти полковника Г. Э. Тепкина, а память о нем такая свежая, яркая, живая торжествует над временем, не победило оно ее; торжествует она и над смертью, ибо Гаврик во мне: стоит только надавить „его кнопочку“ в камере памяти и он вновь передо мной, бесконечно дорогой и незабвенный.

В годы войны с большевиками он выдвинулся на роль не только любимого командира родного калмыцкого полка, но и популярного вождя своего маленького, но крепко спаянного народа. Особенно ярка его фигура была в самый тяжкий и ответственный момент — после краха Казачье-Добровольческого фронта, когда стала неизбежной необходимость стремиться к морю и вплавь спастись от мстительного врага. И вот тут-то все калмыки и сгрудились вокруг Тепкина, ему вверили свою судьбу; он был единственной опорой, утехой и надеждой, путеводной звездой, ибо по пятам шла грозная, неминуемая смерть. Об этом славном периоде его жизни писали и вероятно еще напишут те, кто вместе с ним пил из горькой чаши неудачи в борьбе за „свой порог родной и угол“.

Я его узнал, тесно общался и близко сошелся с ним в Германскую войну, в 22 Донском казачьем полку. Воспоминая об этом времени я и хотел поделиться.

Как дороги были тогда дни отдыха от непосредственной угрозы смерти и как хотелось „нажиться“ поскорее и как можно больше! Увлекались женщинами, хмельным, картам. Нас же с Гавриком сблизила охота, сначала ружейная, а потом псовая, с борзыми. Сблизившись таким образом, мы часто потом проводили время вместе за разговорами, рассказывали друг другу о своем коротеньком прошлом и о длинных планах на будущее. Вообще-то он был замкнут, даже застенчив, не охотно пускал посторонних зрителей в свой интимный мир, а потому такие беседы у нас были всегда один на один. Впрочем, впервые я его увидел и познакомился с ним у карточного стола. Меня, после представления командиру, по пребывании в полк, пригласил адъютант на ночевку, а у него в это время заседала компания за „девяткой“, охотно изъявившая желание научить и меня. Вскоре после нас вошел небольшого роста, но стройный, ловкий, необыкновенно грациозный во всех движениях хорунжий калмык. Встретили его таким дружным, теплым и радушным гомоном, что я сразу увидел в нем всеобщего любимца. „А, Тепочка, добро пожаловать!“ „А вот и наша желтая опасность, но очень милая. Знакомьтесь!“ и т. д. Этот сердечный тон встречи, наружность вошедшего и его манера держать себя сразу приковали к нему мое внимание, а к концу вечера он мне уже определенно нравился.

А покорила он мое сердце смехом. Да, этот смех его — дар Божий; не все, даже дети способны смеяться так чисто, так безгрешно, как умел он. В его смехе не было и тени злорадства, ехидности, насмешки. Смеялся он всегда громко, высоким тенорком, заливался, как колокольчик, заражая всех присутствующих...

Смех Гаврика знали все в полку и все его любили за этот смех.

Впрочем не только за смех любили его; нет, общее расположение и симпатию он заслужил очень милой манерой держать себя: по отношению к старшим начальникам он был строго исполнительным, изысканно почтительным, но вместе с тем ревниво оберегал чувство собственного достоинства; с младшими товарищами жил душа в душу, но фамильярность и амикшонство не терпел, а потому никаких недоразумений, счетов и тому подобн. у него ни с кем не было; с подчиненными, даже казаками у него был редкий такт в обращении: не наказывал, даже не цукал, но люди исполняли его приказание с абсолютной точностью и добросовестностью. Не то, что боялись его, нет, я бы сказал, как-то стыдились не исполнять его приказаний — так он умел приказывать. Это я наблюдал у него и в Германскую на должности младшего офицера и в войну с большевиками, когда он командовал полком в Таврии.

Не даром он кончил Новочеркасское Казачье училище портупей юнкером: строевик был образцовый и конник до мозга костей. В войну с большевиками я его увидел впервые в Воронежской губернии на должности начальника штаба конной бригады. С полковником Сухаревским они давали тогда „концерты“ большевикам со своей бригадой: богато вооруживши ее пулеметами на тачанках, не ковали с красной пехотой, а громили ее всегда с фланга и тыла, разведкая в лоб богатым пулеметным огнем; нащупыванию флангов и слабых мест для прорыва отдавалось первенствующее внимание. При боях с конницей, в борьбе за выигрыш флангов, так разворачивали бригаду, прикрывая жидкую лаву все тем же пулеметным огнем, что из нея получалась „несметная конница“. А вот в трудную минуту бригаду сбизали в такой кулачек, что в игольное ушко с ней проскальзовали. Службой связи и разведкой, и особенно во время боя, бригада могла щеголять и гордиться, а это уже дело исключительно начальника штаба.

Еще в восточной Пруссии Г. Эр. показал себя смелым и мудрым разведчиком, особенно же при вклинении Германской ударной группы в Русский фронт и окружения армии генерала Самсонова. 22 Донской казачий полк был тогда на правом фланге 6-го арм. корпуса, соприкасавшегося с армией Самсонова. Гаврик был тогда единственным офицером в 5 сотне, кроме командира сотни, и был бессменным начальником раз'ездов — сейчас же по присоединении к сотне после выполнения задачи он получал новую, свежих людей и шел опять искать противника или прикрывать собой отходящие части. Там, между прочим, он показал нам, что наш Тепочка, добрейший человек, дитя с хрустальным смехом, мог быть, когда это нужно, жестоким до бесчеловечности.

Однажды, дойдя с раз'ездом до назначенного пункта, прусского местечка, и не обнаружив там противника, решил сделать там же привал, для чего расположился с раз'ездом в крайнем дворе на западной опушке, к которому непосредственно примыкало кладбище, обнесенное невысокой каменной стеной, поросшей изнутри кустарником. Выставленный Гавриком пост укрылся за кладбищенской стеной и вел наблюдение за шоссе, ведущим с запада. Вскоре прибежал оттуда подчасок и сообщил о приближении немецкого раз'езда. Оставив надзор за лошадьми, весь раз'езд перебрался через стену на кладбище и замер в ожидании немцев в свою ловушку. Гаврик решил пропустить дозор в улицу, не обнаруживая себя, и расстрелять его; вооружившись сам винтовкой коновода, выбрал заранее мишенью офицера немца, распределил остальные „мишени“ между казаками и ждал. Немцы должны были ехать в десятки даже в пяти шагах от стены, а так как это было первое соприкосновение с противником, люди горячились, как новичок охотник при приближении дичи. В таких случаях ружья начинают стрелять сами. То же было и с винтовками раз'езда Гаврика; когда дозор подошел на 30-40 шагов, раздался первый шальной выстрел, послуживший сигналом к глупейшей беспорядочной стрельбе.

Досаду и злость Гаврика не берусь описать. Не успели опомниться от происшествия, как услышали

стрельбу сзади себя в самом местечке... Команда „по коням!“ и раз'езд пробкой вылетел из местечка, расстреливаемый из окон, из ворот и из-за углов самим населением...

Убитый казак из раз'езда оставлен на улице; раз'езд собрался на восточной окраине. Что делать? Брать штурмом улицы, отдельные дома неумно, бессмысленно (раз'езду в 18 коней!) а ведь иначе труп убитого не достать... И Гаврик так решает эту задачу: старику немцу, владельцу крайнего домика приказано сейчас же отправиться за трупом казака, иначе его семья, женщины и дети, оставшиеся в домике, будут сожжены живьем. Через полчаса старик, при помощи 3-х женщин, принес убитого...

Потянулась дальше нить воспоминаний и привела в Варшаву. Это было зимой 1914-15 года. Полку была поручена охрана Варшавских мостов. Тепочку назначили начальником этой охраны. Варшава его хорошо знала, а варшавянки дарили ему много внимания, чем немало его смущали и приводили иногда в замешательство. Отличный солдат, редкий говарищ, он был плохим кавалером, а может быть и не искал близости с женщинами. Смелые варшавянки частенько в кафешках, ресторанах, театрах, слишком ясно выражали желание познакомиться с ним. Не тут-то было — уклонялся и этим самым еще больше разжигал их.

Выше я сказал о его изящной фигурке, о грациозности движений — это не фраза: великие княжны, когда выпуск юнкеров 1914 года был принят при дворе в Ливадии, сразу заметили его в толпе юнкеров, а великая княжна Татьяна Николаевна прямо сказала ему: „А вы должны божественно танцевать мазурку!“ и собиралась обратиться к „старому“ — барону Фредериксу — с просьбой устроить бал. Да, она не ошиблась; танцором он был замечательным, жаль только, что редко это показывал.

В январе 1918 года мы расстались и, не считая двух мимолетных встреч (в Воронежской губернии и 6 февраля 1920 года под Торговой) сошлись только в Крыму в мае 20 года.

Приехавши в Крым раньше, из Новороссийска, я, как только услышал о прибытии туда же и Г. Эр. с полком, сейчас же отправился к нему и был принят им в полк. Пока были исполнены формальности моего поступления в Зюнгарский полк, он уже выступил в Таврию и я догнал его на пути.

Неумолимый рок уже отсчитывал последние дни бытия Гаврика, когда мы вновь после долгой разлуки сошлись вместе; когда мы вновь оставшись вдвоем, повсрали друг другу свои интимные переживания. Я только там понял, каким нежно любящим отцом был Гаврик. Надо было слышать его рассказы о своей маленькой дочурке, умершей при переходе через Кавказский хребет; сколько гордости отца звучала в его голосе, когда он говорил, что дочурка так хитро, так умно обманывала налетавших то и дело большевиков на зимовник (после большевицкого переворота) и умышленно у нас маленькой расспрашивавших „где папа“? Она отвечала: „Давно уехал в Астраханскую губернию“. А сама знала даже место его убежища, то в скирде соломы или сена, то в постройках и т. д. Не надолго он пережил свою дочушку; в Таврии караулила и его смерть, послала на него сразу два тифа и задушила. 29-VII не стало Гаврика; ушел он из жизни в расцвете сил, — даровитый, молодой, энергичный, трепетно любящий свой край родной, свой народ.

Его похороны, это злостная насмешка судьбы, так больно вспоминать о них: хоронили такого дорогого человека, а похороны были так чудовищно бедны — с позиции позволили снять только один извод, да и тому не разрешил ген. Кутепов стрельбу: и при спуске гроба в могилу салатовали холодным оружием; духовенства почти не было; даже прощального надгробного слова не кому было сказать. Калмыки были окончательно убиты горем, не до речей было им, а из присутствовавших при похоронах казаков, пробовал говорить я, да захлебнулся слезами и умолк.

Песчанское кладбище поглотило дорогой прах усопшего для вечного сна, но память о нем жива и будет в наших сердцах, пока бьются эти сердца, знающих незабвенного, дорогого Гаврика.